

A cinematic photograph of a man and a woman in a car at night. The woman, with long dark hair, is wearing a white button-down shirt with a black tie and is looking towards the camera. The man, with dark hair and a tattoo on his neck, is looking up at her. The car's interior is dimly lit, and the background shows a blurred city street with red and green lights.

КОНТРАКТ НА КОЛЕНЯХ

В ЭТОЙ ИГРЕ ПРАВИЛ НЕТ.
ЕСТЬ ТОЛЬКО ТОТ, КТО СТОИТ НА КОЛЕНЯХ.

18+

Татьяна Шевелёва

Контракт на коленях

<https://litres.ru/74602987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моё правило простое: никому не подчиняться.

Его правило ещё проще: забирать всё, что он захочет.

Я — Торин Когасакэ, непризнанная наследница криминальной империи, прячущая холодный ум за маской популярной студентки-айдола. Он — Рюдо, опасный палач враждебного клана Ямагути, привыкший брать города штурмом. Мы не должны были пересекаться, но ночной неон Синдзюку столкнул нас лицом к лицу.

Чтобы выжить в войне кланов и забрать власть отца, мне придётся пойти на сделку со зверем. Рюдо жаждет моего подчинения, но я переверну его сценарий. Наш контракт будет подписан на моих условиях. Даже если ради этого нам обоим придётся сгореть дотла.

Содержание

Пролог. Ночь в Синдзюку.	4
ГЛАВА 1. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА УНИВЕРСИТЕТА КЁО	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Шевелёва

Контракт на коленях

Пролог. Ночь в Синдзюку.

Синдзюку не смывал свой грим даже под дождём.

В два часа ночи неон стекал по мокрому асфальту красными и зелёными полосами. У входа в переулок пахло пролитым пивом, дорогим парфюмом и горячим металлом вентиляционных коробов. Где-то за стеной гремела музыка, слишком глухая, чтобы разобрать слова, но достаточно громкая, чтобы не слышать собственных мыслей.

Торин вышла из круглосуточного магазина с банкой чёрного кофе в руке.

Ей нужна была пауза.

Внутри остались шум холодильников, липкий воздух и раскрытый планшет с задачами по высшей математике. На экране уже десять минут светилась одна и та же формула. Торин смотрела на неё, но видела перед собой только лицо отца — спокойное, тяжёлое, неподвижное.

Ты должна быть лучше остальных.

Он никогда не говорил этого прямо. Ненке Когасакэ вообще редко повторялся. Одной фразы, одного взгляда хватало, чтобы окружающие начинали исправлять собственные

ошибки.

Торин была его дочерью. Не той, чьё имя произносили на семейных приёмах и печатали в светских колонках. Не одной из четверых законных наследников, выросших в особняке Адзабу. Для большинства людей она не существовала.

Для тех, кто знал правду, её существование было неудобством.

Она носила фамилию матери. Училась в университете, который отец однажды назвал «надёжным укрытием от лишних вопросов». Жила отдельно. Не появлялась на семейных фотографиях. Не участвовала в делах синдиката.

И всё же каждую неделю ей присылали новую машину с водителем, а в университетском общежитии охранник менялся чаще, чем преподаватели.

Забота Ненке Когасаке всегда имела форму надзора.

Торин поставила банку на бетонный парапет и достала сигарету. Курить она начала не из-за нервов. Нервы она контролировала. Просто ей нравилось, как дым заполняет пространство между ней и людьми.

Щелчок зажигалки.

Огонь на мгновение осветил её лицо: гладкие скулы, тёмные глаза, волосы, собранные на затылке небрежно, но так, чтобы ни одна прядь не падала на губы. На ней были чёрные брюки, тонкий свитер и длинное пальто. Одежда не привлекала внимания, однако Торин давно знала: дело не в одежде.

Люди смотрели на неё, даже когда старались не смотреть.

Она сделала затяжку и подняла взгляд.

На противоположной стороне переулка стоял мужчина.

Сначала Торин заметила только сигарету. Красный огонёк плавно двигался в темноте, зависая у его лица. Потом различила плечи, широкие, почти неподвижные, тёмное пальто и контуры автомобиля, припаркованного под углом к тротуару.

Он не прятался.

Просто не считал нужным приближаться.

Торин задержала дым в лёгких и медленно выпустила его в сторону.

Мужчина продолжал смотреть.

Не так, как смотрели в университете. Не с любопытством и не с восхищением. Его взгляд не скользил по волосам, губам или фигуре. Он будто оценивал расстояние, выходы из переулка, её левую руку, положение ног.

Сначала Торин почувствовала раздражение.

Потом — настороженность.

Она забрала с парашафта кофе и сделала глоток. Напиток уже остыл.

— Если собираетесь что-то сказать, говорите, — произнесла она.

Мужчина не ответил сразу.

Он стряхнул пепел на мокрый асфальт и только потом сказал:

— Через два квартала будет закрыто.

Голос оказался ниже, чем она ожидала. Спокойный, без хрипотцы и показной грубости. В нём не было ни капли флирта.

Торин усмехнулась.

— Сочувствую тем, кто собирался туда пройти.

— Я не сочувствую.

— Тогда зачем предупреждаете?

— Не предупреждаю. Сообщаю.

— Какая разница?

— Предупреждение предполагает, что вы можете выбрать. В эту ночь выбора у вас нет.

Торин посмотрела на него внимательнее.

Он стоял в тени, но свет вывески выхватывал отдельные детали: короткие тёмные волосы, резкую линию скулы, тонкий шрам у правой брови. Лицо не казалось красивым в привычном смысле. Слишком жёсткое. Слишком собранное. В нём не было ничего случайного — ни поворота головы, ни движения рук.

Мужчина снова поднёс сигарету ко рту.

— Вы всегда разговариваете с незнакомыми женщинами так, будто отдаёте им распоряжения?

— Только если они стоят на дороге, которую сейчас перекроют.

Торин оглянулась.

Переулок действительно был пуст. Ни такси, ни прохожих. Даже шум главной улицы казался отдалённым. В глу-

бине квартала мигал фонарь. Один раз. Второй. Потом гас.

Она могла вернуться в магазин.

Могла позвонить водителю.

Могла просто перейти на другую улицу.

Но отступить перед незнакомцем, который решил распорядиться её маршрутом, было невозможно. Не потому, что она была храбрее остальных. Потому что Торин слишком хорошо знала цену покорности.

Покоришься один раз — и человек запомнит не то, что ты могла сопротивляться. Он запомнит, что ты не стала.

Она бросила сигарету под каблук.

— Тогда я пойду туда.

— Не советую.

— Вы уже сообщили, что в этой ночи нет выбора.

Впервые в его лице что-то изменилось. Не улыбка — скорее, едва заметное движение уголка рта.

Он оттолкнулся плечом от стены.

— Вы дочь Ненке Когасаке.

Это прозвучало не как вопрос.

Торин не шелохнулась, но пальцы сильнее сжали холодную банку кофе.

— Ошиблись.

— Нет.

— Тогда вам не повезло. Я не отвечаю за чужие заблуждения.

— Отвечаете за собственные.

Он перешёл улицу.

Не быстро и не медленно. Так, будто заранее знал, что она не уйдёт.

Теперь между ними оставалось не больше трёх шагов. Торин заметила запах табака, дождя и чего-то горького — возможно, древесного парфюма. Мужчина был выше неё почти на голову. Не демонстративно массивный, но сильный: такая сила не требовала постоянного напоминания о себе.

На лацкане его пальто не было знаков отличия. На руках — никаких украшений, кроме часов с потёртым кожаным ремешком.

Он выглядел не как человек, который пришёл произвести впечатление.

Он выглядел как человек, которому не нужно его производить.

— Если вы знаете, кто я, — сказала Торин, — вы должны знать, что подобные разговоры редко заканчиваются хорошо.

— Знаю.

— И всё равно подошли.

— Да.

— Значит, вы либо очень глупы, либо слишком уверены в себе.

— Третьего не дано?

— Обычно нет.

Он посмотрел на её пальцы.

— Вы держите кофе левой рукой.

— И что?

— Правая свободна.

Торин чуть повела плечом.

— Вы наблюдательны.

— Это не наблюдательность. Привычка.

— К чему?

— Не оставлять без внимания руку человека, с которым разговариваю.

Торин позволила себе короткую улыбку.

— В таком случае вы разочарованы. У меня нет ножа.

— Я не спрашивал.

— Но проверяете.

— Проверяю.

Он говорил ровно, и именно это раздражало сильнее всего. Любой другой мужчина на его месте пытался бы понравиться, запугать или пошутить. Этот просто фиксировал факты, не заботясь о её реакции.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Рюдо.

Имя он произнёс без фамилии.

Торин ждала продолжения, но его не последовало.

— Только Рюдо?

— Вам достаточно.

— А если я захочу узнать больше?

— Тогда придётся задать правильный вопрос.

Она рассмеялась — тихо, без веселья.

— Вы всегда говорите загадками?

— Только с теми, кто задаёт вопросы, уже зная ответы.

Торин почувствовала, как внутри поднимается холод.

Рюдо.

Имя было ей знакомо. Не из газет — в газетах о таких людях не писали. Она слышала его от отца, однажды, во время телефонного разговора, когда Ненке думал, что дочь не понимает японский достаточно хорошо.

Рюдо Вакасака. Человек Ямагути.

Не глава. Не лицо клана. Хуже.

Тот, кому доверяли дела, после которых не оставалось места для переговоров.

Торин медленно поставила банку на парапет.

— Рюдо из Ямагути?

— Вы всё-таки задаёте правильные вопросы.

Имя клана легло между ними тяжёлым предметом.

Война между Ямагути и Когасаке тянулась не первый год. Иногда она затихала, превращаясь в холодную торговлю угрозами. Иногда вспыхивала снова — исчезали люди, горели склады, закрывались клубы. В каждой семье были свои версии причин. В каждом клане — свои мертвецы.

Торин никогда не спрашивала отца, сколько их.

Рюдо докурил сигарету и бросил окурок в лужу.

— Вам лучше позвонить водителю, — сказал он.

— Вы следите за мной?

— Сегодня — да.

Признание оказалось настолько прямым, что Торин не сразу нашла ответ.

— А в другие дни?

— В другие дни я занят.

— Какое облегчение.

— Не обольщайтесь.

Он достал из кармана телефон. Экран на секунду осветил его лицо. Торин заметила несколько непрочитанных сообщений, но Рюдо не стал их открывать. Вместо этого он посмотрел на время.

— Через семь минут здесь будут люди.

— Ваши?

— Не все мои.

— И что они хотят?

— Найти вас.

— А вы решили сделать это первым?

— Я решил не отдавать вас им.

Торин почувствовала, как по коже проходит неприятный холодок.

— Какая щедрость.

— Это не щедрость.

— Тогда что?

Рюдо поднял на неё глаза.

Впервые его взгляд изменился. В нём по-прежнему не было мягкости, но появилась усталость — едва заметная, почти

скрытая. Будто этот разговор был не первой попыткой объяснить очевидное.

— Вы оказались не там, где должны быть.

— Это относится к каждому человеку в Синдзюку.

— Нет. К вам — особенно.

— И где я должна быть?

— В машине. Под охраной. Дома. В месте, которое ваш отец считает безопасным.

— Вы так хорошо осведомлены о моём распорядке?

— Достаточно.

Торин сделала шаг к нему.

Теперь между ними оставалось меньше вытянутой руки.

— Передайте Ненке, что его дочь не нуждается в няньке.

— Я не работаю на вашего отца.

— Тогда вы работаете против него.

— Иногда это одно и то же.

Она всматривалась в его лицо, пытаясь понять, где заканчивается провокация и начинается угроза. Рюдо не отводил взгляда. Не пытался подавить её ростом или близостью. Просто позволял ей смотреть, словно ничего в нём не требовало защиты.

Это было опаснее любой демонстрации силы.

— Что вам нужно? — спросила Торин.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Увидеть, насколько вы похожи на него.

— И каков результат?

— Пока не решил.

— У вас будет время подумать. Я собираюсь уйти.

Она обошла его справа.

Рюдо не схватил её. Не преградил дорогу. Лишь сказал:

— Не сворачивайте к фонарю.

Торин остановилась.

— Вы уже отдавали мне распоряжения.

— Это не распоряжение.

— Тогда что?

— Последняя возможность сделать вид, что я просто случайный прохожий.

Она оглянулась через плечо.

— А вы разве нет?

— Нет.

— Кто же вы?

Рюдо смотрел на неё в полумраке, и впервые Торин подумала, что его спокойствие — не признак бесстрашия. Возможно, он просто давно привык к последствиям.

— Человек, который знает, что будет дальше, — сказал он.

В глубине переулка хлопнула дверца автомобиля.

Торин услышала голоса. Мужские. Несколько человек приближались со стороны мигающего фонаря.

Рюдо повернул голову на звук, и его выражение мгновенно стало другим. Жёстким. Сосредоточенным. В нём исчез-

ло всё человеческое, что Торин успела заметить за последние минуты.

— Идите за мной, — сказал он.

— Нет.

— Тогда спрячьтесь за магазином и ждите, пока они вас найдут.

— Вы плохо умеете убеждать.

— Я не убеждаю.

— Вы опять отдаёте распоряжения.

Рюдо посмотрел на неё.

— Потому что у меня осталось тридцать секунд.

Торин могла позвонить охране. Могла назвать своё имя и дожждаться, пока люди отца разберутся с чужаками. Могла пойти к фонарю, доказав этому мужчине, что он не способен управлять её решениями.

Но где-то впереди послышался смех.

И один из голосов произнёс её фамилию.

Торин не двинулась.

Рюдо сделал шаг в сторону, открывая проход между стеной и припаркованной машиной.

— Если пойдёте со мной, — сказал он тише, — я выведу вас на главную улицу.

— А если нет?

— Тогда они выведут вас сами.

— Это угроза?

— Нет. Угроза прозвучала бы иначе.

Голоса стали ближе.

Торин ненавидела его за спокойствие. За то, что он оказался прав. За то, что её выбор уже не был свободным — и за то, что первым это заметил именно он.

Она шагнула в проход.

Рюдо пошёл следом, но не коснулся её. Даже когда они оказались в тесном пространстве между автомобилем и стеной, он держал руки при себе, оставляя между ними несколько сантиметров воздуха.

Это не успокаивало.

Наоборот.

Торин слишком остро чувствовала его присутствие рядом: тепло тела, запах табака, ровное дыхание. Она видела, как он смотрит поверх её плеча, контролируя переулок, и впервые за всю ночь поймала себя на мысли, что не знает, чего хочет больше — чтобы он исчез или чтобы не уходил.

Снаружи раздались шаги.

Рюдо наклонился к её уху, но не коснулся кожи.

— Не двигайтесь.

— Не приказывайте мне.

— Тогда считайте это просьбой.

— Вы не похожи на человека, который просит.

— А вы не похожи на женщину, которая слушается.

— Наконец-то вы сказали что-то разумное.

Его дыхание едва заметно изменило ритм.

Торин почувствовала это и тут же пожалела, что заметила.

Мимо прошли двое мужчин. Один остановился, ругнулся, заглянул за угол. Рюдо поднял руку, и Торин увидела в его пальцах тонкое складное лезвие. Он не демонстрировал оружие. Просто держал его так, будто это была естественная часть его ладони.

Через несколько секунд шаги удалились.

Рюдо убрал нож.

— Теперь можно идти.

Торин выбралась из прохода первой. На главной улице было светлее, шумнее и безопаснее. Впервые за последние минуты она смогла вдохнуть полной грудью.

— Вы знали, что они придут, — сказала она.

— Да.

— Вы знали, что я окажусь здесь.

— Да.

— Вы следили за мной.

— Да.

— И всё это время могли просто подойти?

— Подошёл бы раньше — вы бы ушли.

Торин повернулась к нему.

— А теперь почему не ухожу?

— Потому что хотите понять, что происходит.

— Не приписывайте мне свои мысли.

— Тогда назовите собственную причину.

Она промолчала.

Рюдо посмотрел на неё, и от этого взгляда стало уют-

но. Не потому, что он был грубым. Потому что он не требовал ответа. Он просто оставлял вопрос между ними — и был уверен, что Торин продолжит думать о нём после их расставания.

— Ваш водитель ждёт у следующего перекрёстка, — сказал он. — Идите туда.

— Вы всё проверили.

— Я сказал, что знаю, что будет дальше.

— Самоуверенность вам не к лицу.

— Другого лица у меня нет.

На главной улице проехало такси, разбрызгивая воду из лужи. Неон скользнул по его лицу и на мгновение сделал Рюдо почти нереальным — чужим, опасным, вырезанным из темноты.

Торин подняла подбородок.

— Мы ещё встретимся.

— Да.

— Вы так уверены?

— Ваш отец уже знает, что я видел вас.

— Вы собираетесь рассказать ему?

— Он и так узнает.

— Тогда что вы выиграли?

Рюдо посмотрел на её руку — на тонкое серебряное кольцо, которое Торин носила на большом пальце. Подарок матери. Единственная вещь, которую она никогда не снимала.

— Пока ничего.

— Это не ответ.

— Это честный ответ.

Он достал новую сигарету, но не закурил.

— Торин Когасаке.

Её имя в его голосе прозвучало непривычно. Без фамильярности. Без угрозы. Как будто он проверял, как оно звучит между ними.

— Что?

— В следующий раз не приходите сюда одна.

— Вы боитесь за меня?

— Нет.

— Жаль.

— Я боюсь за тех, кто решит, что вы лёгкая добыча.

— А вы?

Рюдо наконец поджёг сигарету.

Огонёк осветил его глаза.

— Я пока не решил, что вы добыча.

Торин не ответила.

Она развернулась и пошла к перекрёстку. Не слишком быстро, чтобы не выдать тревогу. Не слишком медленно, чтобы не дать ему повода подумать, будто она ждёт продолжения.

У самой границы света она остановилась.

— Рюдо.

Он поднял взгляд.

— В следующий раз задавайте правильные вопросы сами.

— Например?

Торин посмотрела на него через плечо.

— Кто из нас первым подчинится.

И ушла, не дожидаясь ответа.

Она ещё не знала, что их следующая встреча состоится не на улице и не случайно. Что через несколько недель на столе между ними ляжет контракт, от которого невозможно будет отказаться без войны. Что Рюдо предложит ей сделку, в которой её свобода станет залогом, а его защита — формой контроля.

Пока же он просто стоял под неонам и смотрел, как она исчезает в потоке ночного города.

Сигарета догорала между его пальцами.

Рюдо не любил сюрпризы.

Торин Когасаке стала первым за много лет.

ГЛАВА 1. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА УНИВЕРСИТЕТА КЁО

В аудитории триста два пахло кофе и нагретым пластиком.

Кто-то дописывал конспект на планшете, кто-то под столом листал сообщения. У окна девушка осторожно снимала крышку с бумажного стакана, стараясь не привлекать внимания профессора.

За стеклом желтели верхушки клёнов. Октябрь ещё не решился вступить в свои права: во дворе студенты сидели на скамейках без курток, щурились от солнца и спорили о чём-то, что отсюда казалось совершенно неважным.

Торин смотрела на доску.

Профессор выводил следующую строку доказательства. Она уже знала, какой будет последняя, и потому могла позволить себе несколько минут невнимательности. В открытой тетради стояли дата, название темы и две короткие записи. Всё остальное Торин собиралась дописать потом.

Если понадобится.

На край страницы легла тень от её руки. Торин повернула карандаш, провела ногтем по гладкому дереву — и вдруг вспомнила совсем другие пальцы. Мужские. С зажжённой сигаретой между ними.

Она остановила карандаш.

Две недели.

За две недели чужое лицо должно было утратить резкость. Воспоминание — превратиться в обычную историю, которую можно рассказать подруге, слегка преувеличив собственное хладнокровие, а потом забыть.

Но Торин по-прежнему помнила свет вывески Lawson, влажный край тротуара и то, как незнакомец отступил от стены, когда она попыталась пройти мимо.

Рюдо.

Имя подходило ему настолько, что это раздражало.

Она помнила не столько его слова, сколько паузы между ними. Рюдо не спешил. Не повышал голоса. Даже когда называл её настоящую фамилию, сделал это почти небрежно — будто говорил о чём-то давно известном.

Когасаке.

В университете её так никто не называл.

— Тори.

Ая коснулась её плеча.

Торин чуть повернула голову.

— Если ты сейчас попросишь объяснить предыдущие двадцать минут, я возьму плату.

— Я похожа на человека, которому интересны предыдущие двадцать минут?

— Хочешь честный ответ?

Ая улыбнулась и наклонилась ближе. От неё пахло мятной

жвачкой.

— Сатоси снова спрашивал о тебе.

— Он настойчивый.

— Он красивый.

— Это не взаимоисключающие недостатки.

Ая прикрыла рот ладонью, сдерживая смех. На кафедре профессор перевернул страницу, и обе девушки на несколько секунд приняли благоразумный вид.

— Сегодня караоке в Сибуе, — прошептала Ая. — Закрытая комната, только свои. Он просил тебя пригласить.

— Кто такие «свои»?

— Нормальные люди, Тори. Студенты. Не налоговая инспекция.

— Жаль. С налоговой хотя бы понятно, чего она хочет.

— А с Сатоси непонятно?

Торин опустила взгляд на тетрадь.

С Сатоси как раз всё было понятно. Он здоровался с ней слишком громко, заранее занимал место поблизости и всякий раз, когда ему удавалось её рассмешить, выглядел так, будто успешно сдал сложный экзамен.

С ним можно было пойти в караоке. Выпить что-нибудь сладкое, слушать, как он фальшивит, позволить проводить себя до машины. Всё было бы мило, безопасно и совершенно предсказуемо.

Именно такой вечер ей сейчас и требовался.

— Не сегодня, — сказала она.

— У тебя каждый раз не сегодня.

— Передай, что у меня дела.

— Какие?

— Очень убедительные.

Ая откинулась на спинку стула.

— Тэцу говорит, что ты всех слишком долго проверяешь.

Торин посмотрела на неё.

— Тэцу уже вернул тебе деньги?

Улыбка подруги стала менее уверенной.

— При чём здесь это?

— Ни при чём. Просто я тоже проверяю.

— Он вернёт в пятницу.

— Тогда в пятницу обсудим его рекомендации.

Ая легонько пнула ножку её стула, но обидеться всерьёз не смогла.

Торин снова повернулась к доске.

Тэцу ей не нравился. Не из-за мотоцикла, разбитых косяшек или компании, с которой он проводил ночи. Рядом с Аей он слишком часто говорил о верности и слишком редко держал слово. Однако подруга всякий раз слышала в его обещаниях что-то, чего Торин различить не удавалось.

Возможно, дело было не в обещаниях.

Карандаш вновь замер у неё в пальцах.

«Я пока не решил, что вы добыча».

Она с усилием дописала недостающую строку.

Рюдо знал её имя. Знал фамилию отца. Значит, встреча

могла оказаться не случайной.

Эту мысль Торин возвращала себе всякий раз, когда память услужливо подсовывала его голос или взгляд.

Не случайной.

Не романтической.

Потенциально опасной.

Следовало рассказать Рену. Или хотя бы выяснить, кто такой Рюдо, прежде чем снова выходить одной за пределы привычных маршрутов.

Ни того ни другого она не сделала.

Сначала решила, что не стоит поднимать шум из-за нескольких фраз. Потом — что сможет разобраться сама. Теперь ей не нравилось, как легко эти оправдания сменяли друг друга.

— Итак, — произнёс профессор, откладывая мел, — на следующем занятии продолжим. Решения пришлите до четверга.

По аудитории прокатился шум. Захлопали чехлы планшетов, закрипели стулья. Девушка у окна наконец сделала большой глоток остывшего кофе.

Торин убрала тетрадь в сумку и достала телефон.

Сообщений от матери не было.

От водителя — тоже.

— Ты обедаешь с нами? — спросила Ая, закидывая рюкзак на плечо.

— Да. Но чур без дурацких советов от Тэцу.

— Ладно, я составлю для тебя список собственных.

— Вот этого я и боялась.

Возле дверей их притормозил парень с соседнего ряда.

— Торин, ты последний пример сделала?

— Сделала.

— Скинешь списать?

— Скину. Но домашку сдавать только в четверг, так что напомним вечером.

— А сейчас никак?

— Сейчас мы идём есть, — улыбнулась Торин. — Да ты и сам справишься. Начни со второй строки. В первой ты вчера опять знак потерял.

— Ты что, подглядывала в мою тетрадь?

— Ты махал ей перед моим лицом половину пары!

Ая нетерпеливо потянула Торин за рукав.

— Идём скорее, пока ты окончательно не испортила людям обед высшей математикой.

В коридоре было жарко и шумно. Кто-то обсуждал стажировку, кто-то пытался дозвониться до друга. Возле автомата с напитками двое студентов спорили о сдаче, застрявшей внутри.

Торин любила эти короткие промежутки между занятиями. Здесь от неё требовалось только быть собой — или той версией себя, которую она выбрала для университета. Можно было шутить, отказываться от приглашений, тревожиться из-за контрольной.

Никто не следил, кому она улыбнулась и сколько времени потратила на разговор.

По крайней мере, ей хотелось так думать.

Рена она заметила у лестницы.

Серый костюм, папка под мышкой, спокойное внимание к собеседнику. Рядом с ним шли двое мужчин чуть старше большинства студентов. Один говорил, второй просматривал что-то в телефоне.

Рен поднял глаза.

Торин не замедлила шага.

В университете она училась под материнской фамилией Симадзу. У неё и Рена не было причин узнавать друг друга среди толпы, а тем более останавливаться для семейного разговора. За всё время они обменялись здесь, наверное, десятком фраз — таких коротких, что посторонний принял бы их за случайность.

Но сегодня Рен посмотрел на неё слишком внимательно.

— Выходи через главные ворота, — тихо сказал он, поравнявшись с ней. — Машина уже там.

И прошёл дальше.

Ая продолжала рассказывать о преподавателе, который перенёс консультацию. Она ничего не заметила.

Торин остановилась возле окна и снова проверила телефон.

Теперь на экране было сообщение.

«Выйдите, пожалуйста. Вас ждут».

Без подписи.

Она знала номер.

— Что случилось? — спросила Ая.

— Придётся пропустить обед.

— Ты же согласилась.

— Извини. Семейное.

Подруга взглянула на телефон в её руке.

— Всё нормально?

— Да.

Ответ получился слишком быстрым.

Торин убрала телефон и смягчила голос:

— Потом напишу.

— Ты всегда так говоришь.

— Сегодня действительно напишу.

Ая ещё секунду смотрела на неё, затем кивнула.

На улице Торин пришлось прищуриться от солнца. Между корпусами гулял лёгкий ветер, перекаывая по плитке сухой лист. У ворот стояли несколько студентов с бумажными пакетами из ближайшей пекарни. Один размахивал булочкой, доказывая что-то приятелю.

Чёрная Toyota Century ждала у обочины.

Машину трудно было не заметить, но здесь дорогой автомобиль сам по себе никого не удивлял. Кто-то скользнул по нему взглядом и отвернулся. Две девушки на мгновение прервали разговор, когда водитель вышел навстречу Торин.

Это был не тот человек, который обычно забирал её после

занятий.

Она узнала его сразу. Иногда он стоял за спиной отца во время приёмов. Не вмешивался в разговоры, не брал предложенных напитков. Торин не помнила, чтобы видела его без пиджака.

Он открыл заднюю дверь.

— Добрый день.

— Где мой водитель?

— Сегодня я отвезу вас.

— Куда?

— В главный дом.

Торин осталась стоять.

За её спиной кто-то рассмеялся. Дверь кампуса хлопнула, выпуская новую группу студентов.

— У меня ещё два занятия.

Мужчина ничего не ответил.

Торин посмотрела на него, затем на открытый салон.

— Отец знает?

— Это его распоряжение.

Она села в машину сама, прежде чем водитель успел сделать ещё какое-нибудь движение.

Внутри было прохладно. Пахло кожей и едва уловимым средством для чистки. На подлокотнике лежала запечатанная бутылка воды; рядом, в углублении, белела салфетка, сложенная без единой неровности.

Дверь закрылась.

Шум улицы исчез почти полностью.

Торин поставила сумку на колени. Через затемнённое стекло она видела ворота, студентов, красный лист, зацепившийся за край водостока.

Ая появилась на ступенях вместе с двумя девушками. Искала кого-то глазами.

Торин уже потянулась к кнопке стеклоподъёмника, но машина тронулась.

Она отдёрнула руку.

До главного дома было недалеко. Слишком недалеко, чтобы успеть придумать убедительную причину внезапного вызова.

Отец не вмешивался в её расписание без необходимости. Он мог неделями не интересоваться занятиями, а затем спросить об оценке, которую она получила только утром. Его осведомлённость никогда не зависела от того, что она сама ему рассказывала.

Торин открыла переписку с матерью.

«Ты дома?»

Ответ пришёл, когда машина остановилась у светофора.

«Да. А что?»

«Меня вызвали к отцу».

Несколько секунд под сообщением появлялась и исчезала надпись о наборе текста.

«Он мне не говорил».

Торин прижала телефон к ладони.

Значит, не общий ужин. Не внезапно изменившиеся семейные планы. Мать бы знала.

«Позвонить тебе?» — пришло следом.

«Пока не надо. Я напишу, когда освобожусь».

Она не хотела, чтобы мать начала волноваться. Тем более — звонить отцу. Если происходящее касалось Торин, лучше было сначала услышать всё самой.

Машина свернула с оживлённой улицы.

Торин посмотрела на время. В столовой Ая наверняка уже заняла столик и теперь жаловалась, что опять осталась без объяснений. Можно было написать ей что-нибудь лёгкое. Про внезапные семейные обязанности. Про то, что Сатоси, возможно, всё-таки повезёт в другой раз.

Вместо этого Торин открыла пустое сообщение Рену.

«Что случилось?»

Она перечитала вопрос и отправила.

Ответа не было.

За окнами потянулись тихие улицы Адзабу. Здесь зелень скрывала заборы, а заборы — дома. Пешеходов стало меньше. Водитель убрал скорость перед поворотом, не сверяясь с навигатором.

Торин знала этот маршрут с детства.

Знала, у какого перекрёстка связь на несколько секунд становилась хуже. Знала неровность дороги перед въездом, хотя в этой машине её почти не чувствовалось. Знала, что у ворот никогда не приходилось ждать: створки начинали дви-

гаться прежде, чем автомобиль останавливался.

Сегодня всё произошло точно так же.

Во дворе стояла машина Мари.

Торин заметила её раньше, чем каменные ступени и аккурратно подстриженные сосны у входа. Светлый кузов, тёмная крыша. Мари всегда оставляла автомобиль чуть дальше положенного, заставляя остальных обходить его.

Водитель заглушил двигатель.

Телефон в руке Торин коротко завибрировал.

Рен.

«Ничего не обещай, пока не услышишь всё».

Она успела прочитать сообщение дважды.

Потом дверь открылась.

— Вас ждут.

Торин спрятала телефон в сумку, вышла и расправила край юбки. От долгого сидения ткань почти не помялась, но ей требовалось занять руки.

В университете сейчас начиналась следующая лекция.

Здесь никто не спросил, хочет ли она пропустить её.

Торин поднялась по ступеням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.